

Н.А. Котляревский

Старинные портреты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Котляревский**
Старинные портреты / Н.А. Котляревский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
463 с.

ISBN 978-5-517-98301-5

ISBN 978-5-517-98301-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оглавленіе

	СТРАН.
Е. А. Баратынскій	
Звѣзда разрозненной плеяды.	3
Д. В. Веневитиновъ	
Пушкинъ и Д. В. Веневитиновъ	75
Кн. В. Ѳ. Одоевскій	
„Русскія ночи“ . . .	135
В. Г. Бѣлинскій	
Памяти Бѣлинскаго . . .	157
И. С. Тургеневъ	
Тургеневъ драматургъ . . .	259
Гр. А. К. Толстой	
Графъ А. К. Толстой и его время	275
Историческіе мотивы въ стихотвореніяхъ графа А. К. Толстого	311
Трилогія графа А. К. Толстого какъ національ- ная трагедія	343
Графъ А. К. Толстой какъ сатирикъ . . .	362
Приложеніе	
Воспоминанія о В. П. Преображенскомъ . . .	419

ЕВГЕНІЙ АБРАМОВИЧЪ

БАРАТЫНСКІЙ

Звѣзда разрозненной Плеяды.

I.

Рѣдко кто умираетъ во-время. Есть раннія смерти, на самомъ порогѣ дѣла, въ преддверьѣ жизни—и такія смерти очень трагичны. Ими богата наша литература; но тѣ, кому пришлось хоронить Веневитинова, Лермонтова, Станкевича, Добролюбова, Писарева... могли все-таки умиротворить свою скорбь надеждой или вѣрой въ будущую жизнь—если не самого человѣка, то его идеаловъ. И самъ умирающій могъ найти утѣшеніе въ этой вѣрѣ. Умереть среди друзей и сознавать, что твоему „я“ дано если не безсмертіе, то по крайней мѣрѣ долгая жизнь въ сердцахъ и дѣяніяхъ ближнихъ—одно изъ великихъ, хотя бы и призрачныхъ утѣшеній, которыми скрашивается страшная тайна смерти.

Она страшнѣе для тѣхъ, кто говоритъ свое послѣднее убѣжденное слово и не видитъ вокругъ себя никого, кто принялъ бы это слово изъ его устъ... Такая печаль о близкой или уже наступившей смерти дорогихъ убѣждений и настроеній тягостнѣе страха передъ собственнымъ конечнымъ исчезновеніемъ изъ міра. Привѣтствовать новыя ^егрядущія поколѣнія и въ этомъ привѣтствіи хоронить самого себя—мужественно и благородно, но тяжело и грустно.

Е. А. Баратынскій—одинъ изъ тѣхъ, кому пришлось выстрадать такую грусть.

Въ ряду поэтовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ Баратынскому принадлежитъ почетное мѣсто, которое за нимъ признали и современники, и потомство. Пушкинъ любилъ его музу; его цѣнилъ Гоголь; Бѣлинскій считался съ нимъ какъ съ силой, съ которой онъ спорилъ, но которую въ то же время и уважалъ.

И эта сила еще въ полномъ своемъ цвѣту почувствовала себя одинокой и лишней..

Пушкинъ умеръ рано. Почти всѣ его сверстники его пережили. Съ его смертью осиротѣлъ ихъ кружокъ. Новые люди стали тѣсниться вокругъ нихъ, и русская жизнь, правда, сохраняя неизмѣннымъ свой внѣшній обликъ, начала мѣнять свое внутреннее содержаніе, и ждала новыхъ пѣсень. Людямъ двадцатыхъ годовъ, отживающимъ свой вѣкъ, пришлось считаться новыми людьми и новыми вкусами, и каждый изъ нихъ смелся по своему съ этимъ напоминаніемъ о смерти. Кто встрѣтилъ это „новое“ язвительной насмѣшкой и дидактической проповѣдью, какъ напр., кн. Вяземскій; кто растерялся какъ Языковъ, не зная, куда приложить силу своего вдохновенія, которое такъ легко находило себѣ пищу и мѣсто въ былые годы; кто, наконецъ, какъ Баратынскій, сталъ скорбѣть и гнѣваться на то, что новизна жизни не укладывалась въ старыя художественныя рамки и даже надъ ними глумилась. Будь Пушкинъ живъ, онъ вѣроятно нашелъ бы богатыя слова и мысли, чтобы воспѣть этотъ закатъ своего поколѣнія; но Пушкинъ смолкъ рано, и сумерки жизни окутали его друзей безъ него, предоставивъ имъ, слабѣйшимъ по духу, произнести надъ собой надгробное слово. Самыя художественныя пѣсни Баратынскаго были такимъ похороннымъ пѣньемъ, и въ этомъ ихъ историческое значеніе.

II.

o

Жизнь русскихъ художниковъ слова вообще бѣдна событіями и монотонна въ своемъ движеніи. Тотъ, кто при-

выкъ встрѣчать своихъ героевъ не только въ литературномъ обществѣ или за письменнымъ столомъ, но и дѣйствующими на широкой общественной аренѣ,—тотъ мало вынесетъ впечатлѣній изъ жизнеописаній писателей русскихъ,—гдѣ отъ первой страницы до послѣдней онъ будетъ имѣть дѣло почти исключительно съ кабинетнымъ человѣкомъ. Правда, этотъ труженикъ мысли и вдохновенія будетъ радоваться или сердиться, созерцая мимо него плетущуюся жизнь, но въ сущности чтó ей до его слезъ умиленія или до его разлившейся желчи? Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда желчь всего сильнѣе разлилась у писателей, жизнь и тогда еле прислушивалась къ ихъ голосамъ и, конечно, еще меньше считалась съ ними раньше, когда они въ ея честь сыпали цвѣтами поэзіи.

Эта особенность русской жизни, которая сразу ставитъ писателя или публициста на очень подальшее отъ себя отдаленіе, конечно, не могла не оказать своего вліянія на ихъ творчество. Но даже предполагая, что эта особенность для творчества ихъ и прошла безслѣдно, ему не помѣшала,—на ихъ біографію она безспорно наложила печать однообразія. Если не считать исключительныхъ случаевъ,—жизней, полныхъ опасной борьбы, мученій и гоненій, то въ общемъ біографія нашихъ писателей—разсказъ монотонный.

Въ дѣтствѣ дворянская усадьба, затерявшаяся гдѣ-нибудь въ глуши Россіи, или домъ священника, а иногда и просто деревенская хата, затѣмъ какой-нибудь благородный пансіонъ въ Петербургѣ или Москвѣ, а иногда семинарія или городское училище, потомъ университетъ или академія—вотъ чтó можетъ вспомнить русскій писатель о первой порѣ своей жизни. Воспоминанія эти, для нѣкоторыхъ веселыя, для другихъ печальныя, спокойны и почти всегда мало содержательны, если принять во вниманіе, какъ патріархально-глухо текла, въ особенности въ былые годы, русская жизнь не только въ деревнѣ, но и въ благородныхъ пансіонахъ и университетахъ. Далѣе судьба нашихъ писателей извѣстна: быть

можетъ рядъ заботъ по службѣ, заботъ формальныхъ, скучныхъ и педантичныхъ, которыя всегда идутъ въ разрѣзъ съ темпераментомъ художника, затѣмъ хотя и болѣе живые, но также однообразныя заботы семейныя, и впереди всего, на первомъ планѣ, писательское дѣло, т.-е. возня съ редакціями, съ цензурой, еще большая возня съ своеобразными критиками, и все это затѣмъ, чтобы придти къ выводу, что и десятой доли не сказалъ того, что хотѣлъ сказать, и что даже и на эту десятую долю не обратили должнаго вниманія. Такъ до могилы тянется эта монотонная жизнь, гдѣ минуты вдохновенія однѣ сами по себѣ должны искупить всю тяготу существованія, и гдѣ развѣ только завязавшаяся журнальная перестрѣлка вносить неинтересное разнообразіе. Кончается эта жизнь писателя пожеланіемъ ему на кладбищѣ вѣчнаго покоя, т.-е. того, что при жизни онъ такъ ненавидѣлъ.

Ничего любопытнаго не представляетъ собой и біографія Баратынскаго.

Родился Евгенийъ Абрамовичъ вмѣстѣ съ нашимъ столѣтіемъ, въ 1800 году, 19-го февраля, въ имѣніи своего отца, Вяжлѣ, тамбовской губерніи, и здѣсь прожилъ онъ все свое дѣтство, пока на восьмомъ году не попалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ сначала въ нѣмецкій пансіонъ, а затѣмъ, спустя очень короткій срокъ, въ пажескій корпусъ. За безсознательно совершенный проступокъ онъ изъ корпуса былъ исключенъ [1815], какъ говорится, съ волчьимъ паспортомъ, безъ права опредѣленія на службу. Три года послѣ этого несчастія поэтъ прожилъ въ тамбовской, затѣмъ въ смоленской губерніи, а въ 1818 году мы встрѣчаемъ его снова въ Петербургѣ простымъ рядовымъ егерскаго полка. Этотъ рядовой сводитъ знакомство съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, и въ ихъ кругу впервые начинаетъ лепетать его муза. Отъ лепета она очень быстро переходитъ къ связной и красивой рѣчи.

Въ періодъ отъ 1820-го по 1824-й годъ, нашъ поэтъ—уже унтеръ-офицеръ нейшлотскаго полка, квартирующаго въ

Финляндіи—пишетъ цѣлый рядъ стихотвореній, которыя пользуются большимъ успѣхомъ у его очень взыскательныхъ критиковъ и друзей. Въ чинѣ офицера онъ покидаетъ свой полкъ, селится въ Москвѣ [1825], гдѣ въ слѣдующемъ году женится и поступаетъ въ межевую канцелярію на службу. На ней онъ, конечно, остается недолго, выходитъ въ отставку, и этимъ его служебная карьера кончается. Въ Москвѣ, частнымъ человѣкомъ, живетъ онъ многіе годы въ кружкѣ литераторовъ преимущественно славянофильскаго лагеря. Литературная работа идетъ сначала очень успѣшно до 1831 года, затѣмъ слегка ослабѣваетъ. Въ 1839 году Баратынскій покидаетъ Москву и цѣлыхъ четыре года проводитъ въ деревнѣ. Здѣсь, въ деревнѣ, пишетъ онъ свои „Сумерки“, эту панихиду о себѣ самомъ и о своихъ друзьяхъ, и осенью 1843 года ѣдетъ за границу, чтобы черезъ годъ умереть совершенно случайно въ Неаполѣ.

Вся внѣшняя, тлѣнная оболочка жизни Баратынскаго укладывается въ эти узкія рамки. Но поэтъ жилъ двойной жизнью, и вторая — богатая жизнь въ мечтахъ — спасла его имя навсегда отъ забвенія.

На этихъ мечтахъ неизмѣнно лежалъ отпечатокъ глубокой умственной и сердечной печали, совсѣмъ не обычной для того времени.

III.

Среди немногочисленныхъ писемъ поэта есть нѣсколько очень любопытныхъ, писанныхъ имъ въ ранніе годы его дѣтства и его юности. Мальчикъ писалъ ихъ изъ Петербурга своей матери; писалъ по-французски. Письма, безъ сомнѣнія, очень искреннія, но не безъ риторическихъ прикрасъ, вполне понятныхъ, если принять въ соображеніе, что эти посланія были, вѣроятно, въ одно и то же время, и письмами, и стилистическими упражненіями во французскомъ діалектѣ. Для насъ эти письма имѣютъ боль-

шую цѣну, такъ какъ они—первые и безспорно искренніе показатели настроенія поэта въ самые ранніе годы его жизни.

Мальчику было восемь лѣтъ когда онъ началъ переписываться съ матерью, съ которой разстался, покинувъ деревню... Онъ любилъ деревню и всегда ему казалось, что истинно счастливое время прожито имъ въ дѣтствѣ, тамъ въ глуши подъ родной сѣнью, въ тѣни рощъ, на лонѣ „уединенной природы“, гдѣ уста его впервые залепетали о „свободѣ“. Тамъ, думалось ему—

Едва вздохнувъ для жизни неизвѣстной
Я съ тихой радостью взглянулъ на міръ прелестный;
Не зналъ я радостей, не зналъ я мукъ другихъ;
За мигомъ не умѣлъ другой предвидѣть мигъ;
Я слишкомъ счастливъ былъ спокойствіемъ незнанья;
Блаженства чуждые и чуждые страданья,
Часы невидимо мелькали надо мной... [«Воспоминанія», 1819].

Всегда вспоминалъ поэтъ объ этихъ годахъ съ такой нѣжностью. Еще совсѣмъ юношей, „испивъ безвременно всю чашу испытаній“, онъ мечталъ о томъ, какъ „до ветхихъ дней“ будетъ „воздѣлывать отеческое поле“ и какъ его трудолюбивые сыны помогутъ ему „утучнять наслѣдственные нивы“. Конечно, когда онъ ребенкомъ покидалъ деревню, вся эта идиллическая грусть должна была переполнить его душу,—это такъ естественно! Но неестественно, что, попавъ въ новую обстановку, въ столицу, въ пансіонъ онъ долго не переставалъ грустить и въ ребяческомъ умѣ силился всѣ печальныя ощущенія осмыслить почти что „философически“.

Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ его переписки: они поразительны по мыслямъ и по настроенію; можно подумать, что они исправлены, ретушированы, а можетъ быть и совсѣмъ передѣланы въ поздніе годы—до того необычно серьезно для ребенка и печально ихъ содержаніе. Въ первомъ же письмѣ мальчикъ такъ разсуждаетъ на тему о дружбѣ: „Каждый изъ моихъ товарищей—пишетъ онъ—играетъ другъ съ другомъ какъ съ игрушкой, безъ всякой